

В обстановке взрыва:
конец XX века в публицистике Ю.М. Лотмана

Анастасия Г. Готовцева

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

(Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия;

Российский государственный гуманитарный

университет, Москва, Россия;

Институт научной информации по общественным наукам

(ИНИОН РАН), Москва, Россия,

brunhilda@yandex.ru

Дмитрий Э. Кузовкин

независимый исследователь, Таллинн, Эстония,

dkuzovkin@gmail.com

Аннотация. Проблемой данной статьи является применение теории взрыва к процессам конца 80-х – начала 90-х гг. в СССР в публицистических текстах Лотмана. В последние годы жизни, совпавшие с перестройкой и распадом СССР, Лотман нередко выступает в качестве публициста. Этому способствовали как внешние обстоятельства (научная слава и популярность телепередач «Беседы о русской культуре», обеспечившие ему беспрецедентно широкую для ученого-гуманитария аудиторию), так и внутренняя потребность, связанная со стремлением разобраться в быстроменяющихся обстоятельствах. Публицистика Лотмана тесно связана с его научным творчеством. Так, теория взрыва как культурного феномена, постепенно складывающаяся в его работах на протяжении 1980-х – начала 1990-х гг., нашла, возможно, неожиданно для самого автора, подтверждение в развале СССР. Реакция Лотмана на эти события была очень сложной. Как исследователь, он прекрасно осознавал природу и механизмы культурного взрыва, и в этом смысле действительность стимулировала его научные изыскания. Как «простой человек» (а именно так Лотман позиционировал себя), он был растерян и встревожен непредсказуемостью современного мира, что видно из его писем. Стремление соединить эти два полюса, занять некую гражданскую позицию, в которой трезвое понимание происходящих событий сливается с эмоциональной реакцией на них, заставило Лотмана обратиться к публицистике. Пафос своих публицистических выступлений ученый определял как «сдержанный оптимизм»,

балансирующий между надеждой и опасением. В этих текстах выделяются несколько пластов: автобиографический, исторический, теоретический. Объектом исследования являются публичные выступления позднего Лотмана, письма, автобиографический текст.

Ключевые слова: Ю.М. Лотман, культура, взрыв, история, непредсказуемость

Для цитирования: Готовцева А.Г., Кузовкин Д.Э. В обстановке взрыва: конец XX века в публицистике Ю.М. Лотмана // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 134–152. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-134-152

In the setting of an explosion.
The end of the 20th century in journalism
of Yu.M. Lotman

Anastasiya G. Gotovtseva

*A.N. Kosygin Russian State University, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
brunhilda@yandex.ru*

Dmitry E. Kuzovkin

*independent researcher, Tallinn, Estonia,
dkuzovkin@gmail.com*

Abstract. The article is focusing on an application of the theory of explosion to the processes of the late 80s – early 90s in the USSR in the journalistic texts of Lotman. In the last years of his life, which coincided with perestroika and the collapse of the USSR, Lotman often acted as a publicist. That was facilitated both by external circumstances (scientific fame and the popularity of the TV shows “Conversations about Russian culture”, which provided him with an unprecedentedly wide audience for a humanities scholar), and an internal need associated with the desire to understand rapidly changing circumstances. Lotman’s journalism is closely related to his scientific work. Thus, the theory of the explosion as a cultural phenomenon, which gradually took shape in his works during the 1980s and early 1990s, found, perhaps unexpectedly for the author himself, confirmation in the collapse of the USSR. Lotman’s reaction to those events was very complex. As a researcher, he was well aware of the nature and mechanisms of the cultural explosion, and in that sense, reality stimulated his scientific research. As a “common person” (that is how Lotman positioned him-

self), he was confused and alarmed by the unpredictability of the modern world, as can be seen from his letters. The desire to connect these two poles, to take a certain civic position, in which a sober understanding of current events merges with an emotional reaction to them, forced Lotman to turn to journalism. The scientist defined the pathos of his publicistic speeches as “restrained optimism”, balancing between hope and anxiety. Several layers are distinguished in those texts: autobiographical, historical, theoretical. The object of the study is the public speeches of the late Lotman, letters, autobiographical text.

Keywords: Yu.M. Lotman, culture, explosion, history, unpredictability

For citation: Gotovtseva, A.G. and Kuzovkin, D.E. (2022), “In the setting of an explosion. The end of the 20th century in journalism of Yu.M. Lotman”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 134–152, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-134-152

Никогда предметом отдельного рассмотрения не становились публицистические статьи позднего Лотмана, которые следует рассматривать в контексте его научного творчества и эпистолярного наследия. Необходимо учесть исторический и биографический контекст создания этих текстов.

С 1986 г. Лотман получил доступ к огромной аудитории: с 1986 по 1991 г. было записано 35 телевизионных лекций «Беседы о русской культуре», которые затем транслировались по центральному телевидению, получив большое количество откликов, не только индивидуальных, но и коллективных. В этих лекциях граждане распадающегося СССР искали утешения и духовной поддержки. С другой стороны, они формировали самопозиционирование Лотмана как автора и актуализировали в его поздних текстах нравоучительные и проповеднические интенции и стиль. Для позднего Лотмана категория случайности связывается с вопросами личной ответственности. Лотман в ситуации исторического перелома сам ощущал ответственность перед историей. Его последние работы «переходили границу чисто академического нарратива, и в них звучала проповедь гуманистических идеалов». Таким образом, «взаимодействие с собственной аудиторией влияло на научную эволюцию Лотмана» [Кузовкина 2019, с. 131]. Г.И. Ревзин считал, что в «Беседах о русской культуре» «Лотман выступил в жанре телесериала» [Ревзин 1993, с. 213].

Цикл этих программ стал началом активной публицистической деятельности Лотмана. Его выступления в прессе становятся регулярными. В его библиографии – несколько десятков чисто публицистических статей, опубликованных как в центральной и местной

русской, так и в эстонской прессе. Идеи, высказанные в этих выступлениях, складываются в довольно стройную концепцию, о которой речь ниже.

Авторами были просмотрены 52 собранные в Лотмановском архиве русскоязычные печатные публикации профессора в так называемой перестроечной прессе 1987–1993 гг. Заметим на полях, что 9 из них не фигурируют в печатных и сетевых библиографиях ученого. Здесь не только интервью и публицистические заметки, но и публикации выступлений на научных конференциях. В этих текстах Лотман продолжал формулировать вопросы, которые занимали его и в научных культурологических студиях. Переживаемый им момент исторического процесса был для него и иллюстрацией к его текстам, и полевым материалом для дальнейших размышлений о механизмах истории, и – шире – о механизмах культуры. И в лекциях, и в статьях он подчеркивал, что нельзя исключать сознание из исторического процесса. Потому главная мотивация его откликов на предложения выступить в прессе – повлиять на выбор общества в обстановке происходящего перелома в стране. «Я не знаю, куда все будет направлено. Я знаю только то, что я должен делать. <...> Готовность к неожиданности означает отсутствие программы поведения, но предполагает наличие программы нравственности. Вы готовы не прозевать, готовы действовать в непредсказуемых условиях»¹, – говорил ученый в одном из интервью.

События перестройки и последовавшего за ней развала СССР – все то, что сам Лотман называл «точкой поворота» – стало для него внешним толчком для выступлений в прессе.

Название «В точке поворота» имел доклад, написанный для проводимой в Тартуском университете 22–24 марта 1991 г. конференции, посвященной 70-летию со дня смерти А.А. Блока. Суть этого доклада сохранили две публикации. Первая – это, собственно, тезисы конференции, сборник которых был подписан в печать еще 26 февраля [Лотман 1991], вторая – публикация доклада в «Литературной газете» 12 июня², которая очевидно, но неявно была приурочена редакцией к годовщине принятия декларации о государственном суверенитете РСФСР, а также ко дню выборов первого российского президента: уж слишком актуально смотрится она на фоне этих событий. Первый из этих текстов вовсе не

¹ *Лотман Ю.М.* Говоря о современности, я скажу вот что...: [Беседа с проф. Тарт. гос. ун-та Ю.М. Лотманом / Зап. Д. Ицкович] // Независимая газета. 1991. 16 июля. № 83. С. 7.

² *Лотман Ю.М.* В точке поворота // Литературная газета. 1991. 12 июня. № 23 (5349). С. 11.

является кратким содержанием второго, как могло бы показаться. Они разные и взаимодополняют друг друга.

Лотман прекрасно понимал, что сам находится в этой «точке поворота» или на линии «взрыва» («Взрыв – это линия между прошедшим и будущим»³), и его публицистические выступления той эпохи связаны, как кажется, с попытками осмысления происходящего (хотя он и сетовал, что его «эпоха взрыва» пришла слишком поздно и ему «хотелось бы быть лет на тридцать моложе»)⁴.

Возможно, эта «обстановка взрыва» и заставила Лотмана соглашаться на предложения дать интервью или опубликовать статью в СМИ – центральных или местных, выходявших в Эстонии, России, Швеции, Болгарии. Возможно, это была своего рода обоюдная необходимость.

Здесь оказались востребованы все размышления ученого и прежде всего, конечно, теория взрыва, которую он обдумывал с середины 1980-х гг. В рецензии Ревзина на «Культуру и взрыв» подчеркнуто, что автор в этой книге «спешит высказать очень важные для него (и ставшие потом столь же важными для всех) мысли, не успевая их развернуть» [Ревзин 1993, с. 212]. Последний вариант этой книги, над которой Лотман работал на протяжении нескольких лет, уже сдав в печать первый вариант, но постоянно дополняя текст, был подписан к печати в издательстве «Гнозис» в конце сентября 1992 г. О том, как все дописывалось, бесконечно правилось, можно судить по письмам к Ф.С. Сонкиной, в которых он называет этот труд «главной книгой», единственной настоящей и говорит, что чувствует себя как курица, снесшая яйцо⁵. Таким образом, этапы размышлений и череда выступлений в прессе совпали и, конечно, могли оказывать влияние друг на друга.

Но вернемся к докладу на конференции, посвященной Блоку. В публикации в «Литературной газете» изложена целая историософская концепция, для которой блоковский юбилей был хотя и важным, но все же лишь поводом. Лотману было важно говорить о современности, текст доклада очень публицистичен, недаром он был не в научном сборнике, а в центральной газете.

Подлинное понимание культурного значения эпохи Блока (шире – начала XX в.) вряд ли возможно в той относительно короткой

³ Лотман Ю.М. Все взрывные эпохи в истории описывают ретроспективно // Независимая газета. 1991. 4 дек. № 155. С. 7.

⁴ Лотман Ю.М. Говоря о современности, я скажу вот что...

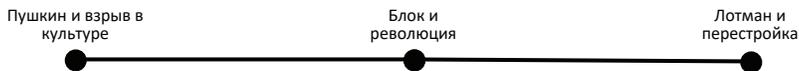
⁵ См.: Сонкина Ф.С. Юрий Лотман в моей жизни: Воспоминания, дневники, письма. М.: НЛО, 2016. С. 256, 288, 305, 308, 313.

перспективе, которая обычно в этой связи привлекается. Границы подлинного исторического периода, необходимого для понимания событий, пролегают значительно шире. Если один его край обозначить Пушкиным, а другой – переживаемым нами временем, то имя Блока окажется расположенным прямо в середине этого периода. Это хронологическая позиция глубоко символична. И из нее вытекает императивная необходимость взглянуть на Блока с позиции этих двух перспектив [Лотман 1991, с. 7],

– писал Лотман в тезисах. В докладе он нашел яркий образ:

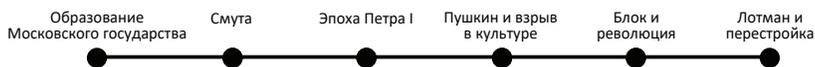
Если поместить острие воображаемого циркуля в эпоху Блока, то мы сможем очертить окружность, которая с одной стороны пройдет через время Пушкина, а с другой очертит границу нашего времени, которое кончилось менее, чем десятилетие назад, уступив место новому этапу, о котором пока еще рано говорить, как о предмете научно-исторического анализа⁶.

Таким образом, воспользовавшись циркулем, мы получаем следующую хронологическую прямую времени с расположением на ней «точек поворота»:

Конечно, данная схема вовсе не претендует на исчерпывающее отображение историософской концепции Лотмана. Да и сам ученый в данном случае, как кажется, такой цели перед собой не ставил. Это – некий каркас с реперными точками, позволяющими ориентироваться в историческом пространстве.

Используя исторические экскурсы научных и публицистических статей Лотмана, можно достроить эту схему более широко:

Обрисовывая эпоху от Пушкина до перестройки, Лотман выделяет как бы «свой» исторический период – «период от Пушкина до нас»⁷, который к нему наиболее близок и который,

⁶Лотман Ю.М. В точке поворота...

⁷Там же.

следовательно, легче всего попытаться осмыслить. И уже с этого своеобразного научно-публицистического пьедестала можно рассмотреть эпохи более далекие, например Московскую Русь, которую можно сравнить как раз с послеоктябрьским временем:

С конца XV до конца XVI и определенную часть XVII века охватывает период, в определенном смысле напоминающий время, которое мы не так давно пережили. Это эпоха складывания очень сильной государственности, это эпоха самоизоляции от Запада и представления, что западная культура порочна – греховна – и должна быть отстранена некоторой стеной. Все усилия должны быть направлены на сохранение исконной праведности⁸.

В тезисах Лотман сравнивал послеоктябрьскую и допетровскую эпоху с точки зрения развития культуры:

Мы можем отметить черты сходства между допетровской эпохой и искусством после Октябрьской революции <...> Речь идет не об определении «качества», а о структурной характеристике. Сопоставляемые нами эпохи роднятся тем, что эстетическая природа текста мыслится как средство, а не как цель <...> Искусству приписывается служебная роль пропагандиста истины, заложенные вне его пределы. Носителем же истины объявляется философия, идеология, теология, решения авторитетных органов – соборов или съездов. Причем хотя истина эта неизменно порождает споры и расколы, предполагается, что она едина и бесспорна, а все расхождения – результат наличия ортодоксов и еретиков [Лотман 1991, с. 10].

В этой «своей» эпохе от Пушкина до перестройки Лотман выделяет два периода – Петербургский с его открытостью и последовавший за ним «второй Московский» с идеей национальной замкнутости, отгораживая от врагов, идей, «которая противоречиво сочетается с концепцией мирового господства»⁹. В принципе, эти же периоды отделения можно увидеть и на более широких интервалах. От образования Московского государства до Петра – Московский период, от Петра до Блока – Петербургский, от Блока – снова Московский. Да и внутри одного периода каждый следующий его отрезок как бы отрицал предыдущий. Очевидно, это внутреннее свойство всех бинарных структур. Об этом, в частности, Лотман говорил на одной из лекций спецкурса

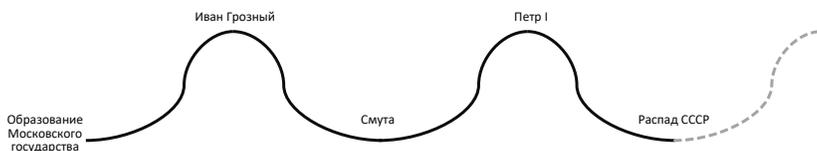
⁸Там же.

⁹Там же.

«Взрывные процессы в культуре», прочитанного осенью того же 1991 г.:

Государственная структура начинается с того, что вся предшествующая традиция должна быть уничтожена (Николай I молчит о своем брате, Александра как бы не было). При смене царствующих династий мы все время видим не продолжение, а отрицание (замена мундиров в армии, постоянное обновление)¹⁰.

Подобные построения условны, «реальность всегда бывает более размытой, а иногда неадекватной»¹¹. Но тем не менее интересно, что среди хронологических структур, выделяемых по разным параметрам в опубликованном «Литературкой» докладе, есть построение о двух волнах бытования Российского государства. Первая началась с момента возвышения Москвы и характеризовалась резким ростом централизации власти, который был бесконтрольным и характеризовался ее способностью подавить любое сопротивление. Она достигла своего пика в царствование Грозного, который был «вершиной бесконтрольной власти»¹², прошла через «топтанье на месте», связанное с царствованием Федора Иоанновича, Годунова и Самозванца, и, наконец, схлынула, придя к полному развалу вековой государственности. Затем при первых Романовых началось новое накопление сил и стала подниматься вторая волна, достигнувшая своего апогея при Петре I. «Завершением этой второй волны мы являемся свидетелями»¹³.

Подразумевалось, таким образом, что в точке распада СССР должен начаться новый подъем.

Этот же отрезок будущего, только начинающийся и неизвестный, можно достроить в первой схеме, если поставить иглу циркуля в точку «Лотман».

¹⁰ Лотман Ю.М. Основы культуры имперского мышления: [рукописная запись], октябрь 1991 г. // Личный архив В.С. Парсамова.

¹¹ Лотман Ю.М. В точке поворота ...

¹² Лотман Ю.М. Основы культуры имперского мышления...

¹³ Лотман Ю.М. В точке поворота...

Но каким он будет? Можно ли как-то повлиять на него? Какое влияние на него может оказать прошлое? Конечно, Лотман, исследуя прошлое, не мог не задаваться вопросами о будущем. Что же касается собственно структурируемого прошлого, то здесь мы имеем довольно известную лотмановскую концепцию, неоднократно проговоренную и в его публицистике: «Историк – это пророк, который предсказывает прошлое. И предсказывает его, естественно, безошибочно <...> Но если она (история) не содержит непредсказуемости, то она исчерпана в момент рождения первого человека»¹⁴.

Но история существует, потому что на самом деле все сложнее, и она предсказуема лишь «до той точки, в которой мы находимся. Ни одно из объяснений истории, ни одна концепция не объясняла человеку, что делать завтра»¹⁵. В то же время «историческое движение можно рассматривать как процесс потери неиспользованных путей и одновременно столь же неотвратимый процесс постоянного зарождения [бесконечного] числа альтернативных дорог» [Лотман 1991, с. 8].

Как только выбран один из путей, остальные «сгорают», но дальше «происходит следующий шаг: историк второй раз возвращается назад. И отсюда идет уже не как историк, а как художник. А художник, воссоздающий прошлое второй раз, вводит в него высокую свободу. Вот, пожалуй, основная функция искусства. Она позволяет проиграть те вероятности, которые жизнь не проиграла»¹⁶. Таким образом, «искусство и литература дают возможность проиграть нереализованные варианты. Искусство – опыт того, что не произошло»¹⁷. И опыт этот очень важен, потому что может и должен влиять на будущее. В то же время «предсказания будущего – занятие, лишенное смысла, ибо сущность будущего в его

¹⁴ Лотман Ю.М. К понятию «взрыва» в динамических процессах культурной деятельности человека: (конспект лекции) // Московский университет. 1992. № 5 (3752). С. 9.

¹⁵ Лотман Ю.М. Все взрывные эпохи в истории описывают ретроспективно...

¹⁶ Там же.

¹⁷ Лотман Ю.М. История неслучившегося – великая и очень важная история: [Интервью] // Ступени: газета Московского совета и АО «Мост». 1992. № 5. Май. С. 1.

непредсказуемости, в его потенциальной возможности пойти по какой-то одной из множества дорог, и именно это придаёт поведению современника этическую ответственность и требует от него активности» [Лотман 1991, с. 11]. Невозможно быть пассивным, потому что «история имеет альтернативу – всегда. И поэтому пассивность – это действие <...> Пассивность – это поступок. И я считаю, что значительная наша беда состоит в том, что мы очень долго собирались. <...> Мы слишком долго ждали и поэтому не готовы. Напрасно думать, что чем больше ждешь, тем больше готов»¹⁸.

Ответственность же необходима потому, что в момент взрыва резко возрастает непредсказуемость и возникает свобода выбора – того, который определит будущий путь развития.

Чтобы этическая ответственность и активность были возможны в обществе, необходимо уделять время гуманитарному образованию, чтобы воспитать гуманистические ценности. Об этом Лотман много говорит в своих интервью практически с начала перестройки:

Если мы хотим выиграть генеральное сражение в познании мира, в борьбе за гуманистические ценности <...> необходимо наступление по всему культурному фронту <...>. Нельзя допустить, чтобы вымирали целые отрасли гуманистического знания, чтобы непоправимо бледнел культурный генофонд общества <...>. Одно из решающих обстоятельств – подготовка гуманитарных кадров <...> которая находится в крайне запущенном состоянии¹⁹.

Своеобразным мерилom культурного развития становится для Лотмана поздний Пушкин – «учитель жизни»²⁰, как он его называет:

В подлинной культуре ничего не умирает <...> Были ведь после смерти Пушкина эпохи, когда он, казалось, был отменен, его переставали читать – и почитать. Но потом он снова возвращался <...> Отчасти он наше историческое прошлое, отчасти – культурное будущее²¹. Усилия, направленные на возрождение пушкинской роли искусства в культуре, могут иметь поистине судьбоносный характер [Лотман 1991, с. 11].

¹⁸ Лотман Ю.М. Говоря о современности, я скажу вот что...

¹⁹ Лотман Ю.М. История культуры: движение в будущее: [Интервью записала Т. Меньшикова] // Советская культура. 1987. 7 мая. С. 3.

²⁰ Лотман Ю.М. Замыслы гения // Известия. 1986. 28 дек. С. 3.

²¹ Лотман Ю.М. История культуры: движение в будущее...

Б.Ф. Егоров утверждал, что «Лотман всегда в своем пути по жизни и науке, при постоянных нравственных коллизиях, вызванных сложностями нашего общества, при постоянной проблеме выбора оглядывался на Пушкина, делая его ориентиром и идеалом»²².

Пражский профессор Мирослав Дрозда в письме Лотману, написанном по поводу прочтения написанной им биографии Пушкина, также подмечал эту соотнесенность поэта и его биографа:

Читая о Пушкине, я постоянно думал о тебе, о твоей творческой, мужественной работе, о неиссякаемом источнике жизнерадостного внимания ко всему живому вокруг тебя, о твоей доброте и о твоём глубоком укоренении в родной русской культуре, которое ты сумел превратить в раскрытие общечеловеческого смысла национальной творческой памяти²³.

Ф.С. Сонкина вспоминала:

Нужно специально отметить, что все годы я чувствовала особую близость Ю.М. к личности Пушкина, всегда знала, еще до появления «Биографии», что для Ю.М. жизнь поэта была неким эталоном мужества, оптимизма и даже, не боюсь этого слова, некоторой дерзости. Не случайно, как я замечала, стихотворные строки Пушкина он повторял в разных своих работах, отнюдь не посвященных поэту. Юра хотел строить свою жизнь, как строил свою Пушкин²⁴.

Да и сам Лотман в одном из интервью 1982 г., отвечая на вопрос «что мнение вы цените превыше других?», признавался:

Кроме личной памяти есть общая, зовется она «культура». В памяти нет разницы между живыми и мертвыми: все живы, со всеми можно говорить, выслушивать их укоры или одобрения. Отсюда и ответ на последний вопрос: выше всего ценю мнение Пушкина и очень боюсь его осуждения²⁵.

²² Егоров Б.Ф. О Ю.М. Лотмане-пушкинисте // Русская литература. 1994. № 1. С. 227.

²³ Дрозда М. Письмо Ю.М. Лотману. 07.02.1982, Прага // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2011. [Вып.] 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт. Ч. 2. С. 560.

²⁴ Сонкина Ф.С. Юрий Лотман в моей жизни. С. 79.

²⁵ Лотман Ю.М. Жить только в Тарту: интервью // Воспитание души. СПб.: Искусство-СПБ., 2003. С. 80 (впервые на эстонском языке: Noorte Nääl. 1982. 28 veeb).

Актуализации пушкинской тематики, которой сам Лотман посвятил в своем творчестве ни одну сотню печатных страниц, в культурном пространстве в немалой степени способствовали юбилейные даты – 150-летие гибели поэта (1987) и приближающееся 200-летие со дня рождения, до которого Лотман не дождал, но специально посвятил ему одно из своих интервью. Пушкин – маркер культурного развития, и по отношению к нему можно судить об уровне культуры, а следовательно, и об уровне той самой ответственности перед будущим, которая была так важна для Лотмана: «К Пушкину складывается отношение трагической глухоты, свидетелями которого, к сожалению, мы будем и в дальнейшем». С этим связан кризис пушкиноведения, который ученый очень остро переживал, говоря об актуализации темы «Пушкин и дамы» как знаке этого кризиса, о том, что «нынешний этап пушкиноведения – этап распутья», о том, что нет настоящих профессионалов, а Пушкина начинают изучать все подряд, что само по себе, может быть, и неплохо, но «к сожалению, под флагом права на “своего Пушкина” часто “свой” остается, а Пушкин исчезает»²⁶.

Таким образом, Лотман переводил вопрос о том, что делать в обстановке взрыва, из области политики в область искусства и культуры: «Политика чем-то приближается к поэзии, она индивидуальна, она требует личности»²⁷; «Если мы думаем, что искусство – вещь не первостепенная, это в силу нашего ограниченного мышления»²⁸; «Искусство может быть названо фабрикой информации, и в этом смысле дает свободу и позволяет все время экспериментально проверять жизнь»²⁹, – утверждал он.

И Пушкин, являющийся для Лотмана точкой отсчета «своего» времени, которое разрезается на две части эпохой Блока – все это прошлое, которое можно лишь «проигрывать» средствами искусства, а вот то, что должно произойти в системе, центром которой является сам Лотман, находясь в «обстановке взрыва» – оказывается для ученого крайне важным. Ведь это только в исторической перспективе взрыв дает новый шанс, а в повседневной жизни переживать его очень тяжело:

²⁶ Лотман Ю.М. Пушкин 1999 года: каким он будет? // Таллинн. 1987. № 1. С. 61.

²⁷ Лотман Ю.М. Говоря о современности, я скажу вот что....

²⁸ Лотман Ю.М. Мы живем потому, что мы разные // Известия. 1990. № 55 (22958). 24 февр. С. 7.

²⁹ Лотман Ю.М. Все взрывные эпохи в истории описывают ретроспективно...

Переживаемый нами момент – еще один пункт поворота в культуре. И, как и все другие, он чреват непредсказуемостью. Непредсказуемость – универсальная черта бурного развития – в данном случае становится элементом самосознания. Обилие открывающихся дорог составляет потенциальную силу эпохи, но субъективно в сознании современников оно выражается чувством растерянности, особенно у людей, воспитанных эпохой «полной» ясности [Лотман 1991, с. 12].

И Лотман становится своего рода проповедником, который пытается помочь максимально сохраниться после взрыва, который в бинарных структурах уничтожает все или почти все, и людям придется противостоять обстоятельствам, как мог противостоять им Пушкин. «Пушкин – скульптор, торжествующий над материалом и подчиняющий его себе»³⁰, – писал он Б.Ф. Егорову.

Противодействуя обстоятельствам, необходимо внимательно относиться к окружающим, к их мнению, тем более если оно не совпадает с собственным: «общество человеческое держится на различии между людьми»; «надо ценить в каждом человеке другого и обеспечивать ему это право быть другим»; «общество – это не набор солдат, это оркестр, где каждый инструмент ведет свою, самостоятельную мелодию»³¹.

Сюда же примыкают рассуждения о том, как соотнести русский язык и русскую литературу с эстонской культурой в эстонской школе. И вообще – вопросам межнациональных отношений (последнее было связано, в частности, с выходом в Эстонии закона «О языке») [Лотман 1988; Лотман, Киселева 1988]³².

Сразу в нескольких публикациях возникает образ библейского ковчега, на котором можно спастись, если только не «раскачивать» его:

Мы на одном корабле плывем, все вместе <...> И нам или плыть или тонуть. И нам на этом корабле споры необходимы, дискуссии

³⁰ Лотман Ю.М. Письмо Б.Ф. Егорову. Октябрь 1986 г., Тарту // Лотман Ю.М., Минц З.Г. – Егоров Б.Ф. Переписка, 1954–1993. СПб.: Полиграф, 2018. С. 602.

³¹ Лотман Ю.М. Мы живем потому, что мы разные...

³² Ср. : Лотман Ю.М. В.И. Ленин: «Тут надо быть 100 раз осторожным»: [ответ на письмо в редакцию] // Вперед. Тарту. 1988. 2 июля. С. 2; *Он же*. Закон о языке нужен // Молодежь Эстонии. 1988. 1 нояб. С. 2; *Он же*. Кому нужен закон о языке? // Вперед. Тарту. 1989. 14 янв. С. 2; *Он же*. Ошибающимся друзьям // Советская Эстония. 1990. 21 нояб. С. 3.

нужны, нужна свобода дискуссий. Запрещено убийство. Запрещено пролитие крови, потому что потонем все³³;

Мы все плывем в одной лодке: или мы все вместе утонем, или все вместе спасемся. Спаситься же в одиночку не удастся никому. Единственный способ спастись – быть бодрым и помогать ближнему³⁴;

Передовые мероприятия, различные своевременные реформы срывались силами косности, привычки, бюрократии, наконец, и всем тем, что мы теперь называем «силами застоя», традиция которых в России очень сильна. Когда мы говорим о необходимости нового мышления, мы, сами того не понимая, решаем для себя гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?». Причем мы имеем вполне реальную перспективу «не быть» уже на уровне наших внуков, в том случае, если это новое мышление не обречет. Бюрократия может отказаться от него, опершись, как всегда, на незримо присутствующий во всех ее рассуждениях тезис: «Мне хорошо за счет того, что другому плохо», но в том-то и дело, что все мы сидим в одной лодке и, если потонем, то все вместе³⁵.

Призывы к улучшению будущего посредством искусства и – шире – культуры (которая определялась как единство науки и искусства)³⁶ на основе ответственности и активности – вот, как кажется, основной философский пафос поздней публицистики Лотмана.

Что можно изменить в процессе развития и какова цель этих изменений? В заключении своей книги «Культура и взрыв» Лотман писал о переживаемом им периоде: «Теоретически он осознается как победа реального, “естественного” развития над неудачным историческим экспериментом». Он говорил, что надо отказаться от «подстегивания истории», после взрыва перестройки и распада СССР вообще отказаться от развития с применением «техники взрыва», которая есть «суровый диктат бинарной исторической структуры» [Лотман 1992, с. 270].

В «блоковском» докладе эту структуру Лотман называл «традиционной моделью» отечественной цивилизации, которая «рисует» в тех чертах, которые ей придавали многочисленные

³³ Лотман Ю.М. Мы живем потому, что мы разные...

³⁴ Лотман Ю.М. Что я мог бы пожелать... // Вестник Тарту. 1992. 4 янв. С. 1.

³⁵ Лотман Ю.М. Беседы с профессором Лотманом // Ленинградский университет: дайджест. 1991. 12 апр. № 13–14 (3278–3279). С. 9.

³⁶ Лотман Ю.М. О природе искусства // Alma mater. 1990. № 2 (4), окт. С. 2–3.

антиутопии: культурная унификация, всемирная казарма, полное уничтожение индивидуальности»³⁷. Необходимо «перейти на общеевропейскую тернарную систему», а пропустить же предоставленную эпохой возможность равносильно исторической катастрофе. Фраза эта завершает «Культуру и взрыв» [Лотман 1992, с. 270].

В «блоковском» же докладе мы видим описание самой этой тернарной структуры – то есть того, как Лотман представлял себе государственность на пространстве страны, которая через два месяца после публикации доклада перестанет существовать не только де-факто, но и де-юре. Он называет ее «Большая Структура», которая должна строиться на основах «Большой Культуры»:

Подлинная жизнеспособная Большая Структура <...>, чтоб сохранить жизнеспособность, <...> должна не потерять структурного двуединства – способности быть одновременно единой и бинарной. Это означает, что будущая Большая Культура должна будет не только сохранить, но и культивировать структурное различие ее частей, разнообразие своих внутренних языков <...>. Только различно организованные части нужны друг другу, между тем как насильственно организуемые унифицированные структуры, которые распространились количественно, подавляют внутреннее разнообразие, лишь ускоряют тем самым момент развала.

Однако эта двойственность жизнеспособна, только если одновременно является единством. Последнее, однако, достигается не внешним насилием, а подключением структуры, при которой каждая минимально замкнутая частица подобна (изоморфна) целому, и в этом смысле является целым. Мы снова сталкиваемся с той функционально, наиболее эффективной системой, троичность которой достигается одновременным слиянием бинарной и унифицированной структур³⁸.

Но Большая Структура не состоялась. В переписке и мемуарных записях Лотмана 1993 г. звучит разочарование.

Может быть, мы преувеличиваем оглушительные внешние водороты событий, произошедшие перемены. Может быть, где-то в каком-то кабинете кто-то повернёт какой-то винтик, и вдруг под новыми именами всё окажется на тех же местах. Может быть, пережитая нами

³⁷ Лотман Ю.М. В точке поворота...

³⁸ Там же.

революция была революцией названий. Эти ночные страхи я стараюсь днем прогонять³⁹,

– надиктовал он в сентябре 1993 г.

Несколькими месяцами ранее в письме Б.А. Успенскому Лотман признавался, что ему более всего «не хватает» прошлого, настоящее скучно, о будущем он не думает. Возможно, причиной такого взгляда было то, что, по выражению самого ученого, он подходил «к своей последней черте». Но к этому чувству какой-то обреченности не могло не примешиваться и понимание того, что Большая Структура и Большая Культура не состоялись из-за слишком стремительного отказа от прошлого. Взрыв снова разрушил то, что надо было постараться сохранить: «Вообще, мы настолько стремительно отделились от прошлого, не имея при этом реального настоящего, что не только теоретически, а в каждодневном быту ощущаешь себя в состоянии невесомости и нереальности»⁴⁰.

* * *

В эпицентре экзистенциального и мировоззренческого кризиса размышления человека о будущем трагичны, ему кажется, что «Мир соскальзывает в безумие» – именно так называлась статья Лотмана от июня 1991 г. Написана она была по поводу армяно-азербайджанского конфликта, но некоторые ее цитаты универсальны и звучат как откровение в каждой «точке поворота»:

Я вынужден наблюдать то клиническое безумие ненависти, которое охватывает целые пространства нашей земли. <...> Я жалею тех <...> кто ослеплен ненавистью. Неужели же они не видят, что ими играют и что те, кто сейчас, из-за кулис, разжигает кровавый туман, завтра направят удар против них? То, что делают их руками, очень скоро сделают с ними чьими-нибудь третьими. А те, кто стоит за кулисами, выступают как миротворцы, когда сочтут, что обе стороны пролили достаточно крови;

Эпоха мелких конфликтов и частных столкновений кончилась. Мир един, и то, что происходит на одном конце, неизбежно отзывается на другом. Спрятаться не удастся никому. Колокол звонит по каждому из нас.

³⁹ Лотман Ю.М. [Неопубликованный мемуарный текст. 16.09.1993] // Библиотека Тартуского ун-та. Фонд 136. Ед. хр. 296. Л. 11.

⁴⁰ Лотман Ю.М. Письмо Б.А. Успенскому, 21.01.1993 // Ю.М. Лотман – Б.А. Успенский. Переписка 1964–1993. Таллин: Изд-во ТЛУ, 2016. С. 616.

Спасти мир от безумия должен, по мнению Лотмана, тот слой общества, к которому он принадлежал сам, то есть интеллигенция или та же Культура:

В момент, когда мир соскальзывает в безумие и национальная и религиозная вражда, кажется, рвется возвратить нас в эпоху средних веков, конечно, на интеллигентов всех народов ложится историческая миссия остановить эскалацию безумия;

Кто откроет нам глаза, нам – интеллигентам этой трещащей империи, кто откроет глаза русской интеллигенции?⁴¹

Однако чем дальше от линии взрыва, тем менее эмоциональными становятся размышления.

Спустя два с половиной года после распада СССР и связанных с этим событий Лотман дал оптимистичный прогноз, он верил в появление его Большой Структуры во вновь воссозданной стране, которая должна срastиться, как гоголевская свитка. В одном из последних интервью ученый сказал:

Сейчас, я думаю, мы будем присутствовать при очень интересном процессе – собирании России. Знаете, как у Гоголя свитка, которая срastалась, – она будет срastаться; сейчас ее разрежут, будет отдельно Украина и что-то еще. Но постепенно свитка будет срastаться, даже не понять, почему она будет срastаться, экономически это уже не обязательно. Но вот я умру, а вы скажете: а он-то все соврал, или скажете: нет, что-то такое есть. Я думаю, что будет срastаться. И восстановится приблизительно в старых границах. Конечно же, исключая Польшу. Польша никогда не была Россией, это совершенно другое. А вот Кавказ – очень может быть, на каких-то особых правах, на отдельных условиях...⁴²

Итак, в конце 1980-х – начале 1990-х Лотман в происходящих событиях увидел реализацию своей историософской модели. Это заставило его выступить в качестве публициста в многочисленных интервью и статьях для СМИ. Наука и публицистика таким образом оказались воплощением единого семиотического подхода, в центре которого стоит теория «взрыва».

⁴¹ Лотман Ю.М. Мир соскальзывает в безумие // Вперед. Тарту. 1991. 8 июня. № 65 (889). С. 1.

⁴² Город и время: беседа с проф. Ю.М. Лотманом / беседовал И. Евлампиев // Метафизика Петербурга. СПб.: Эйдос, 1993. С. 91.

Литература

- Кузовкина 2019 – *Кузовкина Т.Д.* «Беседы о русской культуре» Ю.М. Лотмана: текст и аудитория // Динамическая структура текста. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 2019. С. 121–133.
- Лотман 1988 – *Лотман Ю.М.* Давайте подумаем...: (О проблемах преподавания русского языка в старших классах) // Русский язык в эстонской школе. 1988. № 5. С. 43–52.
- Лотман 1991 – *Лотман Ю.М.* В точке поворота // А. Блок и русский постсимволизм: тезисы докладов научной конференции, 22–24 марта 1991 г. Тарту, 1991. С. 7–13.
- Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
- Лотман, Киселева 1988 – *Лотман Ю.М., Киселева Л.Н.* Винават ли Пушкин в том, что ученики эстонских школ плохо знают русский язык? // Русский язык в эстонской школе. 1988. № 2. С. 3–9.
- Ревзин 1993 – [Рец.]: *Г.И. Ю.М. Лотман «Культура и взрыв»*. М.: Гнозис, 1992 // Вопросы искусствознания. 1993. № 1. С. 212–216.

References

- Revzin G.I.* (1993), “Yu.M. Lotman Culture and explosion. M.: Gnosis, 1992”: [review]. *Voprosy iskusstvoznaniia* [Questions of art history], No 1, pp. 212–216.
- Kuzovkina, T.D. (2019), “ ‘Conversations about Russian culture’ by Yu.M. Lotman. Text and audience”, *Dinamicheskaiia struktura teksta* [Dynamic text structure], Izdatel'stvo Jagellonskogo universiteta, Krakov, Poland, pp. 121–133.
- Lotman, Yu.M. (1988), “Let's think...: (On the issues of teaching the Russian language in high school)”, *Russkii iazyk v estonskoi shkole* [Russian language in the Estonian school], no. 5, pp. 43–52.
- Lotman Yu.M. (1991), “At the turning point”, in *A. Blok i russkii postsimvolizm: tezisy dokladov nauchnoi konferentsii, 22–24 marta 1991 g.* [A. Blok and Russian post-symbolism. Proceedings of the scientific conference, March 22–24, 1991], Tartu, Estonia, pp. 7–13.
- Lotman, Yu.M. (1992), *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], Gnosis, Moscow, Russia, 272 p.
- Lotman, Yu.M. and Kiseleva, L.N. (1988), “Is Pushkin to blame for the fact that pupils of Estonian schools do not know Russian well?”, *Russkii iazyk v estonskoi shkole* [Russian language in the Estonian school], no. 2, pp. 3–9.

Информация об авторах

Анастасия Г. Готовцева, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия; 115035, Россия, Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, Нахимовский пр., д. 51/21; brunhilda@yandex.ru

Дмитрий Э. Кузовкин, независимый исследователь, Таллинн, Эстония, dkuzovkin@gmail.com

Information about the authors

Anastasiya G. Gotovtseva, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, A.N. Kosygin Russian State University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 33, Sadovnicheskaya St., Moscow, Russia, 115035;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information for Social Sciences, Moscow, Russia; bld. 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117418; brunhilda@yandex.ru

Dmitry E. Kuzovkin, independent researcher, Tallinn, Estonia, dkuzovkin@gmail.com